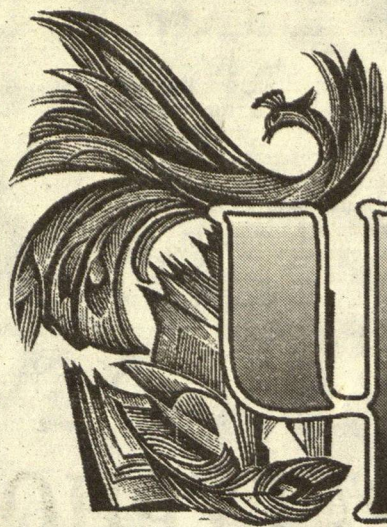

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

ЧИТА

литературная

Литературно-художественное приложение к газете «Азия-Экспресс»

№ 4

Сентябрь 1996 г.

КОМУ СКАЗАТЬ «ЛЮБО»?

*В Забайкалье багряном и синем
Столько женских доверчивых глаз.
Красота разгулялась в России,
Озаряя сиянием нас.*

На снимке Виктора Дианова ведущая программы Читинского филиала «Русское радио» Светлана Батаенкова.

Почти незаметно пролетело лето, начавшееся для россиян битвой за «нашего» Президента России. Осень, вероятно, будет заполнена не менее острой борьбой за «нашего» губернатора, «наших» глав исполнительной власти районов, городов, поселков (по новомодному — «муниципальных образований»), депутатов областной Думы.

Что же мы имеем сегодня, кого пророчат из доброго (а доброго ли) десятка кандидатов в лидеры местной власти наши государственные чиновники и банкиры, служилая и творческая интеллигенция, наша много фрондирующая, но мало что решающая общественность? Тихо в газетах и на телевидении, в библиотеках и театре, томно-сонливо в творческих Союзах и никак на общественных подмостках.

Интеллигенция — это же не бравые казаки, которые говорят на выборах прямо в глаза: «Любо, братцы, любо!» Интеллигенция думает не спеша и глубоко, успевая дойти мыслями до выборов, когда они уже закончатся. Оттого и разводим позже

руками: «Ах, не любо нам, совсем не любо...»

Конечно, творческие люди всегда держали дистанцию относительно власти. Одни — от эстетического неприятия любой государственной машины. Другие — от нежелания отрывать свое драгоценное время от профессионально-интеллектуальной деятельности. Третьи — от заблуждения, что их творческая судьба не зависит от «всеобщего избрания».

Прилично ли сейчас любому творческому человеку и неостывшей душе прятаться от политики от предстоящих выборов, которые надвигаются конкретно и адресно относятся в судьбе нашей культуры, творчестве всех людей творческого труда? Разумно ли в данной ситуации отмахиваться и отмахиваться, делая вид, что кто-то другой решит и определит формулу «с кем вы, мастера культуры?»

Здесь, как говорится, есть несколько вопросов. Как будущая власть озаботится нашими проблемами? Не переоборудуют ли библиотеки в торговые точки, а драма-

тический театр в Центр бизнеса или Банк-Бизнес? Кому отдадут свои голоса, авторитет и поддержку работники культуры, журналисты, учительство, интеллигенция в самом широком смысле слова? Аграрному лидеру или демократ-популисту, прагматику-технократу или широко образованному интеллектуалу и тонкому ценителю культуры, умелому управленцу или матерому чиновнику?

С чем и с кем мы окажемся после 27 октября 1996 года?

«Чита литературная» намерена выполнить свою обязанность единения всех творческих и интеллектуальных сил области тем, что предлагает в самое ближайшее время собрать инициативную группу, подготовить общее собрание. Поделимся мнениями. Выработаем серьезную платформу и условия поддержки. И — определиться — кому сказать:

— Любо!

Общественный обозреватель «ЧД»

КРАСНАЯ СТРОКА

Владимир Сажин

От борозды — колос, от колоса — хлеб, от хлеба — поэт, от поэта — борозда... Так можно сказать о поэте из Кыры Владимире Сажине, творчество которого в первую очередь посвящено поэтизации труда как вечной ценности, как органичному состоянию души русского человека, хлебороба.

Березовые колки

Мне подарят они косачей на току,
И порадуют сказочной вестью,
Что на вешней заре,
в заповедном логу,
Я услышу их вешнюю песню.
На теплинку-костер
прикохнет рассвет
С бекасиным концертом
и тягой вальдшнепа,
На последнем снегу
встречу заячий след
И подснежники — капельки неба.
Нет прекрасней поры.
Расцветает земля,
На багульнике плаваются
первые росы.
Милой отчей земле
не нарадуюсь я,
Мир вам светлый, родные березы.

С каждым часом солнце выше,
Голубее небосвод.
Перезвон плывет под крышей,
Там капель весну кует.

В зыбком мареве дорога
Изгибается, дрожит;
Жеребенок — недотрога,
Солнцу радуясь, бежит.

Шея — лебедь, хвост — трубою,

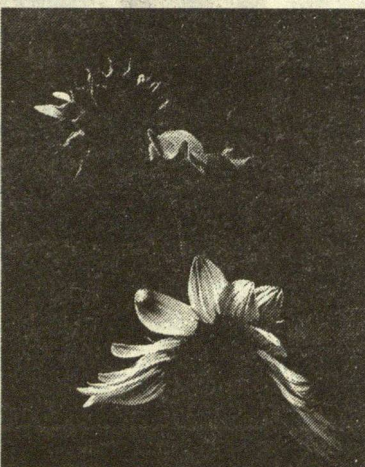
Строгих ножек перебор;
Соревнуясь сам с собою,
Припустил во весь опор.

За околицей

Взошла пшеница. И сразу околица села похорошела, украшенная изумрудным платком, ярким, свежим. Глаз радуется. Хорошо!

Н.Д. Кузакову

Три сосны, песчаный косогор,
Да ерник косматой гривой машет;

Воды рвутся к солнцу на простор,
На сучке посудина. Чумашек.

Прост, удобен, весь из бересты,
Крепко шит упругой тальничинкой.

Струи и студены, и чисты,
С золотой летающей песчинкой.

Три глотка живинки из ключа
Корневой, багуловой, смородной;
И усталость в жилочках стуча,
Исчезает. Дышится свободно.

Зорче глаз, пронзительнее слух;
Мать-земля сыновья силы

множит;
Посидеть, перевести бы дух,
Только жизнь тревожит и тревожит.

Подавилась кукушка колосом.
Значит, время жатвы пришло;
И комбайн стосильным голосом
На заре взбудоражил село.

И повсюду машины, машины.
Над дорогами пыль колесом.
— Хлеб пошел, —

стонут рамы и шины;
Взолотел, оттого и весом.

Уж морозцы яркой позолотой
Красят лет и жниву, и луга,
И пройдясь по моховым болотам,
Кличут в гости вьюги да снега.

Над полями, оглушая небо,
День и ночь

густой машинный гуд,
Осень щедро

расплатилась хлебом
За крестьянский

беспокойный труд.

В НОМЕРЕ:

Александр Алексин

В начале шестидесятых я работал в Чите, в газете «Забайкальский рабочий». Частым гостем в редакции и ее желанным автором был писатель Георгий Иванович Шелест (литературный псевдоним Егора Ивановича Малых).

Николай Кузаков

Сергея, ты меня любишь? — Поправив густые волосы цвета спелой ржи, спросила Зина. Сергей посмотрел на нее нежным взглядом карих глаз.
— Люблю. А что?

Михаил Вишняков

Второй год по общественно-политическим и литературным, рекламным и эротическим изданиям Сибири бродит Лапундер — внебрачный сын поэта Михаила Вишнякова.

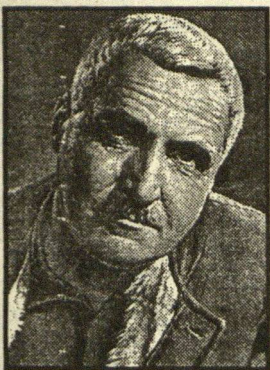
Виктория Измайлова

Мало уже кто помнит, что прежде был там перелом. Влюбленных, заветное место свиданий. Сколько признаний слышали каменные ступени, лежащие теперь глубоко под водой!

Владимир Талахтин

Хлеба и зрелищ требовали древние. Ныне в почете запросы иные. Давай нам футбол и песен! И дают. Петь и играть сегодня модно. Даже эстрадно-футбольное шоу придумали. Развезают по городам и весям — на стадионах аншлаги.

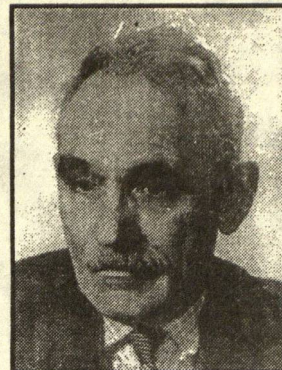

лем, с которым я имел счастливую возможность общаться в непринужденной обстановке.

Но с особым интересом мы (я и мои добрые друзья и коллеги тех лет Женя Куренной, Слава Филиппов, Григорий Кобяков, Леня Фадеев и другие) слушали его воспоминания о страшных годах каторжных работ на Колыме. Ведь сталинско-бериевские лагеря, в которых побывало (а в значительной мере и померло) половина населения страны, были запретной темой. Узники не любили (или боялись) о них вспоминать, а прочитать

Шестого ноября 1962 года в "Известиях" (которые редактировал тогда Алексей Аджубей, зять Хрущева, у которого, естественно, были более щадящие отношения с цензурой) появился знаменитый рассказ "Самородок", сделавший его имя известным не только в стране, но и за рубежом. В нем впервые в открытой печати мощно прозвучала тема советских концлагерей. По Колыме Шелест знал Варлама Шаламова. От Георгия Ивановича мы впервые узнали имя этого человека, без которого ныне нельзя себе представить русскую ли-

том? Константин Михайлович был, если можно так выразиться, неутомимым литературным старателем. Он извлек из забвения имена Булгакова, Ильфа и Петрова, других писателей, на которых в свое время обрушили гонения официальные власти. Редактируя журнал "Новый мир" (1946—1950, 1954—1958), "Литературную газету" (1950—1954), он по крупицам собирал, "проталкивал" на страницы и пропагандировал все честное, талантливое, совестливое. Рукопись "Колымские самородки", присланная Шелестом, не могла не

САМОРОДКИ ЛИТЕРАТУРНОГО СТАРАТЕЛЯ

Письма, которые предлагают вниманию читателя, ранее не печатались в газетах. Нет их и в 12-томном собрании сочинений Константина Симонова, вышедшем в 1980 году в Москве, в издательстве "Художественная литература". И это при том, что последний том целиком состоит из переписки замечательного писателя.

Теперь мне предстоит сказать несколько слов о том, как и почему эти письма оказались в моем личном архиве. Для этого придется вернуться на много лет назад.

В начале шестидесятых я работал в Чите, в газете "Забайкальский рабочий". Частым гостем в редакции и ее желанным автором был писатель Георгий Иванович Шелест (литературный псевдоним Егора Ивановича Малых). Для нас, молодых журналистов, Шелест был живой легендой. Он помнил гражданскую и ярко, увлекательно рассказывал о виденном и пережитом. В сущности, Шелест был первым "живым" писате-

Неизвестные письма Константина Симонова Георгию Шелесту

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Александр
Алешкин

Известный журналист. Выпускник МГУ. В 60-70-е годы работал и жил в Чите, сейчас — в Москве.

тературу. Дарование Шелеста более скромное, но будущий исследователь "лагерной темы" в литературе воздаст должное и нашему земляку.

Как возникла кратковременная переписка между Симоновым и Шелестом? Константин Михайлович был, если можно так выразиться, неутомимым литературным старателем. Он извлек из забвения имена Булгакова, Ильфа и Петрова, других писателей, на которых в свое время обрушили гонения официальные власти. Редактируя журнал "Новый мир" (1946—1950, 1954—1958), "Литературную газету" (1950—1954), он по крупицам собирал, "проталкивал" на страницы и пропагандировал все честное, талантливое, совестливое. Рукопись "Колымские самородки", присланная Шелестом, не могла не

заинтересовать Симонова. Сам он в 1963-1964 годах напряженно работал над романом "Солдатами не рождаются". Одновременно шли съемки двухсерийного художественного фильма "Живые и мертвые". На лето шестьдесят четвертого Константин Михайлович "скрылся" у абхазских друзей в Гульрише, чтобы избежать столичной суеты и целиком отдаться творчеству. Но и там он находил время, чтобы по возможности помочь собрату-писателю, заботился о прохождении его рукописи в журнале "Знамя", писал в Читу краткие, но теплые, дружественные письма Георгию Ивановичу Шелесту.

Остается добавить: "Колымские самородки" увидели свет на страницах журнала "Знамя". Желание же Симонова приехать летом шестьдесят четвертого в Читу не осуществи-

лось. В то лето ему так и не удалось "немножко передохнуть после трудов праведных". На следующее лето не стало Георгия Ивановича.

Ну, и последний вопрос: как письма оказались у публикатора? Однажды я навестил в читинской студии телевидения Иду Файерштейн, с которой были в дружеских отношениях. И увидел на ее рабочем столе, в вóрохе редакторского хлама, эти письма. Сделал ей шутовское замечание: "Ида, почему такая небрежность к народному достоянию? Дай-ка их мне, я буду хранить их как зеницу ока".

— "Делаю передачу о Шелесте. Вот они и валяются тут. Возьми. Знаю твою страсть к документам. У тебя они не пропадут."

Вот и пришло время. С удовольствием знакомлю с этими ценными литературными реликвиями читателей "Читы литературной".

Москва.

13 декабря 1963 года

Дорогой Георгий Иванович! Сегодня получил Ваше письмо — как раз в то время, когда собирался дать Вам телеграмму — что там с Вами, где Вы пропали? Очень жалко, что здоровье хромает. Это вообще всегда невесело, а при Вашей неукротимой натуре, наверное, особенно тяжело. Я это хорошо понимаю. Ждал я от Вас обещанный рассказ, теперь понимаю, почему пока не дождался; но, может быть, когда соберетесь с силами, все-таки, напишете, а?

Я, что касается "Самородков", сделал пока все, что имел возможность сделать, и по-прежнему не только не теряю надежды на справедливый и правильный исход с судьбой этой книжки, но и верю в такой исход. Убежден, что так оно в конце концов и будет.

Пишу коротко, потому что забит поверх головы работой по роману. Сдаю куски в номер за номером, и совершенно обалдел. Расхлебываюсь с этим только в апреле, тогда и поеду в Сибирь; очевидно тогда и увидимся.

Крепко жму Вашу руку. Передайте мой сердечный привет Вашей жене.

3 мая 1964 года

Дорогой Георгий Иванович! Получил под праздник твое письмо и отвечаю тебе на него уже издали, с юга. Уехал сюда немножко передохнуть после трудов праведных. Кончил работу, очень устал, а впереди еще, видимо, предстоит и возня — и нужная возня — с редактурой книги, потому что все-таки немножко продрать, прочистить, видимо, надо.

Трудно мне тебе писать. Очень бы хотелось написать, что с твоими "Самородками" все в порядке. И я уверен, что в конце концов так оно и будет, но пока написать ничего нового не могу. Дважды сделал все от меня зависящее, чтобы добиться решения этого вопроса, но пока безрезультатно. Причем, думаю, что только по одной-единственной причине — по недостатку времени прочесть твою рукопись. Других причин не вижу, потому что глубоко уверен, что будучи прочтена, она будет немедленно и пущена в печать.

Вернусь в Москву — попробую еще что-то сделать, а пока крепко обнимаю тебя, жму руку, приветствую твою супругу и надеюсь, что где-то летом мы увидимся. Я летом в Сибирь непременно поеду.

Еще раз обнимаю тебя.

4 июля 1964 года

Дорогой Георгий Иванович, я передал твою рукопись в журнал "Знамя". Товарищи из журнала "Знамя" — Борис Леонтьевич Сучков, — заместитель главного редактора и Василий Васильевич Катинев — ответственный секретарь журнала относятся к твоему циклу рассказов положительно и будут предлагать его для печати в одном из ближайших номеров.

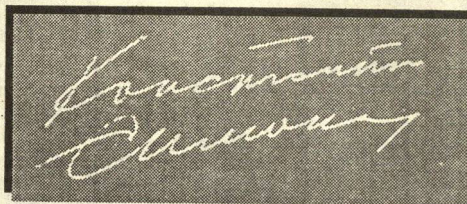
Мне они передали несколько небольших замечаний по частностям. Я думаю, что ты будешь на меня не в обиде, если я, как твой теперь уже старый редактор, поправлю эти детали на свой страх и риск, а потом, когда уже все подойдет ближе к делу, pošлю тебе или окончательный, чистый экземпляр или набор.

В общем, сейчас я улетаю на сорок дней. Рукопись будет проходить тем временем в "Знамени", а десятого августа я вернусь в Москву, и давай между 12-м и 15-м позвони мне по телефону — в любой день, от восьми до девяти утра по московскому времени или после десяти вечера, тоже по московскому.

Крепко жму твою руку. Рад, что дело двинулось.

18 августа 1964 года

Дорогой Георгий Иванович! Получил твоё письмо. Очень, очень грустно, что ты хворишься. Что касается твоих "Колымских самородков", то убежден, что с ними все будет в полном порядке. Пишу на скорую руку — прилетел и скоро опять улетаю. Извини за краткость. Крепко жму руку.

ЮБИЛЕЙНОЕ

ПЕВЕЦ ПОДВИГА ЗАБАЙКАЛЬЦЕВ

26 августа исполнилось 75 лет забайкальскому писателю Сергею Михайловичу Зарубину. Он — наш, забайкалец, родился на разъезде Тургутуй, в семье железнодорожника. В 1938 году закончил среднюю школу, служил на флоте. Был участником войны на Дальнем Востоке...

Познакомился с Сергеем Михайловичем в редакции "Черновского рабочего". Он был направлен редактором районной газеты после пятнадцатилетней журналистской работы в областном радиокомитете.

чтался в журналах "Сибирские огни", "Дальний Восток", других изданиях. "Трубка снайпера", "Тропой разведчика", "Сибиряки" — эти книги уже были широко известны забайкальцам, когда Сергея Ми-

хайловича приняли в Союз писателей СССР.

У Сергея Михайловича Зарубина была нелегкая судьба журналиста и писателя. Он всю жизнь работал на радио, в газетах "Черновский рабочий", "Знамя коммунизма", "На боевом посту". Некоторое время был редактором Читинского отделения Восточно-Сибирского издательства. Его книги рождались одновременно с многочисленными статьями и корреспонденциями в прессе.

Последние годы жизни он страдал тяжким недугом. Умер в читинской больнице и похоронен на местном кладбище, где Союз писателей поставил ему памятник.

Алексей РУСАНОВ.

Фото автора.

ТЫ ПОМНИШЬ, ВИЛЯ...

Сибирскому поэту Вильяму Озолину исполнилось 65 лет. Около десяти из них он жил и творил в Чите. Омич по рождению, моряк и сочинитель прекрасных стихов, прозы, песен, выпускник Литературного института, где был учеником старейшин советской поэзии Сергея Городецкого и Игоря Сельвинского, поклонником Леонида Мартынова; искренний друг и соратник многих и многих сибирских поэтов, прозаиков, художников, артистов — Вильям Янович Озолин оставил свой незабываемый след в Чите. Здесь его (поэт

переехал жить в Барнаул) по-прежнему любят за душевную щедрость, яркий талант, грустный и жизнеутраченный

характер, одаривший многих дружкой и огнем вдохновения. Дай Бог каждому такого юбилея!

Рискуя быть ненапечатанным (Боясь, что таить греха!), Решил я сделать примечание К сим "Вольнодумственным" стихам И подтвердить, Что все — не вымысел И не досужий плод пера... Вокзалы были.

Словно выстрелы, Нас угоняли в путь ветра! Над лесом

звезд сияли россыпи. Ночь от костров была рябой. Поселки новые и просеки Мы оставляли за собой. Был лес,

трелевочные тракторы И жадные прожектора... Скучали важные редакторы... Прекрасная

была пора!

Игорь Светов

Автор рассказов человек сложной и трудной судьбы, много повидавший и испытавший в жизни. Написанное им не только не выдуманные истории, но и испытанные. Страшная и жуткая действительность, в которой пришлось выживать, жестокие законы уголовного мира не дают права автору, вернувшемуся к нормальной жизни, молчать.

Рассказы печатаются с некоторыми сокращениями.

Однажды, в студеную зимнюю пору, когда на улке от щипастого мороза в трубочку сворачивались уши, Коля "Лом", высокий и худосочный, в зонной столовой протер засаленной от времени тряпкой дощатые столы и накрыл ужин своему восьмому, "мужичьему" отряду, который зек погонял "ломом подпоясанным", видимо из-за него, Коли.

— Уха из петуха, — рубали наваристую баланду и громко швыркали от горячего варева носами, нахваливая при этом шустрого шныря.

"Лом" рдел от удовольствия и щерился фиксатным ртом. Отпахав за столом, как истинные уголовники, мужики утопали в барак, а Коля, сдав в посудомойку алюминиевые бачки и миски, снова протер столы и в половине девятого нырнул в кабинет начальника отряда, где по вечерам частенько катал письма на волю завхоз-зек. "Лом" подчинился ему.

— "Секатый", отпусти на пару часовиков, а?

— Каких пару, до отбоя полтора осталось.

— Ну хоть до отбоя, а? — моргнул шнырь длинными ресницами, обнажив на веках наколку "не буди".

— Куда намылился?

— В девятый.

— На второй этаж?

Коля утвердительно кивнул.

— К кому?

— К "Челюсти".

Тот, как и "Лом", был в должности дневального отряда и к нему "Секатый" должен был отпустить Колю.

— Вали, но нюх не теряй. Отряд у них блатной, сам знаешь.

В табеле о ранге уголовной жизни "Челюсти" ничего из себя не представлял. Блатнюки и не только они, но и всякая "чесотка", позволяли се-

бе иногда попинывать шныря под толстый зад. Тот привык и не обижался, почитая оскорбления за судьбу злюку, но понимая, что уродливая внешность его с далеком вперед выдвинутой нижней челюстью, нагоняет пурги на новеньких, редко, но шутовал.

— Ты что, сынок, мостологи по бару раскидал, — сладким голосом наезжал он на этапника, только что поднятого с карантина, — порядочным людям пройти негде.

Тот, стриганув на звероподобного уголовника, моментально поджигал ноги.

— Боишься меня, что ли? Не бойся, сынок, я и сам тебя боюсь.

После такого зехера "Челюсти" тырился в каптерке, так как зное время спустя новичок, узнав от блатных, кто на него только что скалил зубы, разорвался:

— Ну, суцара, сейчас я ему хребет поправлю, — и кидался искать шныря.

Минут двадцать тому назад "Челюсти" как раз пошутковал и тихо, словно мышь, сидел в каптерке. Впрочем не только из-за этого. Он поджидал "Лома". Тот хлестанул, что к девяти подтянется.

Тук, тук, тук, поскреблись в дверь. По характерному покашливанию "Челюсти" узнал Колю и быстренько впустил его.

— Не шуми, — приложил он указательный палец к губам и показал "Лому", куда сесть. Затем запер дверь и выудил из "курка", устроенного под полом, бутылку спирта.

Не нарисовалась историчка ни завтра, ни послезавтра. Загрипповала.

— А нам-то дело, — кипишевала шпана, — божился "на курочку рябу", коли шар.

— Боюсь я сам, подмогните.

— Ссышь, когда страшно.

Подмогнули с удовольствием.

Заточенным черенком алюминиевой ложки ему шустро, но невыносимо больно, выковырнули глаз. А две недели спустя "Огонек" куском кир-

пича все же достал училку. Правда не до смерти, но накатили, как за труп — восемь.

Давно это было, а теперь зашибись, когда спишь. Менты тебя лечат, колечат, стоптанными кирзухами, аж подошвы дымят, а тебе ништяк, не больно и не боязно. Голодная и поэтому не липкая и не сладкая слюна до грязной наволочки не докатилась. Забуксовала в недельной рыжеватой щетине "Циклопа", так стали погонять "Огонька" после потери глаза.

— Халя-балля! — рывкнули ему прямо в ухо и когда он, со сна озундулевший, подлетел на шконке и блатим матом завопил:

— Куда?

Зек, что тырился от полуденного зноя в барак, заржал.

— В п.ду за мясом.

Сначала бухали и закусывали молча. Через час осторожничать перестали и пошел громкий, чисто шнырский базар.

— У меня в секции везде бычки, всем все до фени. Блатные все в жопу, никому слова поперек не скажи, — привирал слегонца "Лом".

— Это у кого, у тебя что ли отряд блатной. Ты ври, да не завирайся. У меня вот блатные, так блатные. Блат-

ной на блатном едет и блатным погоняет. А у тебя мыши.

— Это у меня-то мыши?

— У тебя.

— Да я твою блоть фуфайкой угоно в запретку, к менту под вышку. Сниму с себя фуфайку, раскручу ее путем и рванет ваша блоть вдоль по Питерской.

— Не ори ты, припадочный, — спохватился "Челюсти", — услышат не дай Бог и тогда не они, а мы с тобой рванем и не вдоль по Питерской, а к дубакам на КПП. Садись лучше давай, выпьем.

Но "Лом" уже не слушал шныря девятого. Он сдернул с себя робу и остался в одном нижнем, байковом, белом китайском теплом белье. Взял в углу топор и положил его на стол, чем очень напугал "Челюсти". Потом достал из ящика стола пузырек с красной тушью. Обильно полил лезвие топора, руки и весь перед нижней блель. Цепанул влажными от туши

ручищами оружие убийства и нехорошо так дыбанул на "Челюсти".

Тот оцепенел. Даже бы пес "Цербер", охраняющий врата ада, покинул бы свой пост, приходи к ним Коля в таком виде.

Пять минут спустя он сделал такое, что сразу стал легендарным шнырем нашей области. Знаменитым. Таким же знаменитым, как некогда "Александровский столп" у монархистов.

Большая часть заключенных уже грелась под одеялами, выкуривая перед сном по последней сигарете. В секции висела благодатная тишина, которую вдруг нарушил пьяный рев. "Сливки" лагерного общества повернули головы к входным дверям и узрев "Лома" в окровавленном белье, да еще и с топором в руках, все попутали.

Стало еще тише, чем было, куряки забыли затануться. Все ждали. Коля одарил присутствующих точно таким же взглядом, как несколько минут назад их дневального. Задрал над башкой топор, выкатил с орбит глаза и заорал:

— Ну, бляди! Кто за собой что чувствует по жизни, ломитесь!

Девятый отряд пришел в движение. Ноги тонкие, а жить-то все равно хочется. Уголовники тумбочками вышибали оконные рамы и кто во что был прикинут, запрыгали на улицу.

«ЦИКЛОП»

— Ой, как вкусно, — протяжно ответил кто-то за "Циклопа" и даже облизнулся, вспоминая, какое оно, мясо.

— Да ладно вам, что вы в натуре, — ничуть не обиделся "Циклоп", но зачем его с того измерения возвернули в это, выяснять не стал, потому что расколотенный по пьянке и склеенный по трезвянке "петух" над входной дверью в секцию, прокуреным, четким голосом контролерши по свиданиям, объявил:

— Огоньков, прибыть на КПП за передачей.

— О-о, "Циклоп", — сразу укусили его, — поди маманя грет отправляла. Помнишь, волчара, по ушам нам елозил, что с понтом сирота ты подзаборная.

Ни родины, ни флага у "Циклопа" действительно не было. Так что греть

его могла разве что горячая вода в банный день.

— Да и первая передача по закону полагается только через половину срока. Наболтали мне восьмеру, своих шесть было. Итого четырнадцать, отбавил из них пять, — широко зевнул он и не торопясь стал наматывать тонкие летние портянки. — Ошиблась, овца, наверное.

— Огоньков, ты что оглох! Или тебя дубиной на КПП гнали! — угрожающе подстегнула уголовника через динамик "петуха" контролерша.

Арестанты слушали и ухмылялись. У "Циклопа" по понятным причинам отсутствовал левый глаз. У Мамедовны, по непонятным, правый. В СССР царил социализм и о хрустящем голландском шоколаде еще никто и ни черта естественно не знал, но уже тогда, в зоне, Мамедовну и "Циклопа" нарекли "сладкой парочкой". Может из-за этого, мягко говоря, зек и контролерша недолюбливали друг друга.

На покоянный дерматиновый стол Мамедовна бросила бандероль и прицелившись единственным глазом в фанерный ящик картотеки, пробурчала уголовнику:

— Вскрывай.

Помещение опустело. Среди перевернутых кроватей и тумбочек "Лом" стоял совершенно один. Битое стекло, брошенные одеяла. "Сливки" сплыли.

— Ничего не пойму, все улетели. Весь отряд что ли косорпорый?

Такого Коля не ожидал и мгновенно протрезвев, стал прикидывать, чем все это для него кончится. Сообразив чем, лихо затопал вниз по лестнице.

— Он их что, добывать что ли рванул? — Шарахнулся от него в коридоре "Челюсти". — Во дает, а. Крутой мужик оказывается этот "Лом".

А тот, тем временем, громадными скачками дул на КПП.

— Догонят, убьют, суки, не пожалеют. Порешат, как пить дать, порешат!

Дежурный помощник начальника колонии, заметив бегущего в свете прожекторов через зонный плац зека с топором в руках, едва успел клацнуть перед самым его носом входной решеткой.

— Стой! Стрелять буду!

— Из чего это он интересно в меня шмалеть собрался, у него ведь ничего нет, — тяжело испускал клубы пара из легких осужденный.

— Гражданин начальник,пусти, родной, убивают.

— Кого?

— Меня.

— Тебя?

— Да.

— Топор брось.

Сквозь прутья решки Коля сунул его майору.

— Быстрее, начальник.

— Не торопи, — забирал тот ключами. — Обычно вы меня "мент поганый" зовете, а тут вдруг — родной. С чего бы это, а?

— Ответить "Лому" было нечего.

— Что наделал-то?

— Да вы наверное не поверите. Я сам-то еще поверить не могу...

Колю отправили в другую колонию. Блатные девятого попросили, втихоря, конечно!

— Если выпустите назад в зону, то нам его завалить придется. А смерть "Лома" кому нужна? Никому. А лишний срок за это кому нужен? Никому.

Резон в сказанном был и первым же этапом менты угнали Колю. Далеко угнали. Кажется куда-то в Якутию.

Обратного адреса не было. Понюхав зачем-то плотную оберточную бумагу, "Циклоп" принялся ее рвать.

Примостив костлявый зад на уголке стола, дежурный помощник начальника колонии, разомлевший, вяло покачивал ногой в хромовом сапоге, на пыльном носочке которого, словно на качели, балдела зеленая помойная муха.

— Что там?

— Не знаю, футляр какой-то.

— От кого?

— Шут его знает. О! — добыл из футляра коричневого цвета электробриту "Бердск" Огоньков.

— Бритва что ли.

— Но.

— Но-но. Разнокался, — погасила радость на роже зека свиданщика, — прохлопай, пашет или нет, а то будешь потом мне претензии предъявлять.

— Быстрее только давай, — сонная муха с сапога, дрыгнула ногой дежурный помощник начальника колонии, — самолет скоро.

Проверку в колонии он делал не по времени, а по самолету, который ровно в 16. — проплывал над четырехугольным плацем, заполненным уголовниками.

Бритву "Циклоп" держал в правой руке, левой сунул вилку штепселя в розетку и рвануло острой болью в правом глазу.

От взрыва или от неожиданности завизжала, как недорезанная Мамедовна. Дежурный помощник начальника колонии присел за стол. А ошарашенный злопамятной, из далекого прошлого историчкой, теперь уже без обоих глаз, был, как пес, в запретной зоне "Циклоп".

Николай Кузак

— Сережа, ты меня любишь? — Поправив густые волосы цвета спелой ржи, спросила Зина.

Сергей посмотрел на нее нежным взглядом карих глаз.

— Люблю. А что?

Набегав ветерок, взбудоражил березу, стоящую рядом с Зиней. Черным шаром качнулась на ветке птичья гнездо. Посыпались обожженные первыми заморозками листья. Они падали на берег, на волны. Зина подняла золотистый лист и задумалась. Она была в той поре, когда женская красота вспыхивает спелым багряным кустом, чтобы обжечь кого-то, а потом незаметно угаснуть.

— Ты меня просто успокаиваешь, — с грустинкой в голосе проговорила Зина и подняла на Сергея свои чистые голубые глаза.

— А это плохо или хорошо?

Сергей прыгнул с камня и прилег под березой на листья. Тепло, по-летнему светило солнце. За рекой куда-то брели пегие горы. На берег накатывались волны и, тихо вздыхая, отступали. На берегу чуть покосившееся гнездо.

— Нет, ты мне скажи правду, любишь или нет? — настаивала Зина.

Сергей взял листок и отпустил его на воду. Он точно золотистый парусник закачался на холодных волнах.

— А я тебя люблю все больше и больше, — тихо, будто про себя, проговорила Зина.

— И это тебе не помогает сейчас пойти к мужу.

Зина взяла руку Сергея и стала гладить.

— Сережа, я плохая?

Сергей из-под густых черных бровей посмотрел в даль реки, куда убежали волны, и где, серебрясь гребешками, исчезали за поворотом.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На землю упали шепчущие душу журавлиные крики. Сергей с Зиной подняли головы: над горами плыли темные птицы. И казалось, что это не журавли, а сама тоска распласталась над осенней землей.

— Птицы, а с какой болью летают, — прислушиваясь к печальным голосям журавлей, проговорил Сергей. — И будто им снится там, на чужбине, небольшой луч с жаркими и саранками, говорливый ручей и белые березки на его берегу.

— Ты тоже уезжаешь? — Недалеко. В соседний город. — Ты позвал, чтобы проститься со мной?

— И с этой березкой тоже. — И надолго уезжаешь? — Кто знает? Может, навсегда. — А как же я?

В голосе Зины были и страх, и боль. Но только что ей мог ответить Сергей? — Неужели ты не услышишь мой голос?

У ЧУЖОГО ГНЕЗДА

лос и не приедешь? А я каждый день буду ждать тебя, вернуться.

Сергей посмотрел на часы, потом кивнул в сторону березки и проговорил:

— Засиделись мы у чужого гнезда.

Они шли по тропе, усыпанной листьями, как по ковровой дорожке, молодые, сильные, красивые. Случайные прохожие, видя Сергея с Зиной, невольно замедляли шаг и провожали их восхищенным взглядом: надо же было найти друг друга — один одного лучше. Бываю же счастливые люди...

— А это плохо или хорошо?

Сергей прыгнул с камня и прилег под березой на листья. Тепло, по-летнему светило солнце. За рекой куда-то брели пегие горы. На берег накатывались волны и, тихо вздыхая, отступали. На берегу чуть покосившееся гнездо.

— Нет, ты мне скажи правду, любишь или нет? — настаивала Зина.

Сергей взял листок и отпустил его на воду. Он точно золотистый парусник закачался на холодных волнах.

— А я тебя люблю все больше и больше, — тихо, будто про себя, проговорила Зина.

— И это тебе не помогает сейчас пойти к мужу.

Зина взяла руку Сергея и стала гладить.

— Сережа, я плохая?

Сергей из-под густых черных бровей посмотрел в даль реки, куда убежали волны, и где, серебрясь гребешками, исчезали за поворотом.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На землю упали шепчущие душу журавлиные крики. Сергей с Зиной подняли головы: над горами плыли темные птицы. И казалось, что это не журавли, а сама тоска распласталась над осенней землей.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На землю упали шепчущие душу журавлиные крики. Сергей с Зиной подняли головы: над горами плыли темные птицы. И казалось, что это не журавли, а сама тоска распласталась над осенней землей.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На землю упали шепчущие душу журавлиные крики. Сергей с Зиной подняли головы: над горами плыли темные птицы. И казалось, что это не журавли, а сама тоска распласталась над осенней землей.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На землю упали шепчущие душу журавлиные крики. Сергей с Зиной подняли головы: над горами плыли темные птицы. И казалось, что это не журавли, а сама тоска распласталась над осенней землей.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На землю упали шепчущие душу журавлиные крики. Сергей с Зиной подняли головы: над горами плыли темные птицы. И казалось, что это не журавли, а сама тоска распласталась над осенней землей.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На землю упали шепчущие душу журавлиные крики. Сергей с Зиной подняли головы: над горами плыли темные птицы. И казалось, что это не журавли, а сама тоска распласталась над осенней землей.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На землю упали шепчущие душу журавлиные крики. Сергей с Зиной подняли головы: над горами плыли темные птицы. И казалось, что это не журавли, а сама тоска распласталась над осенней землей.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На землю упали шепчущие душу журавлиные крики. Сергей с Зиной подняли головы: над горами плыли темные птицы. И казалось, что это не журавли, а сама тоска распласталась над осенней землей.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На землю упали шепчущие душу журавлиные крики. Сергей с Зиной подняли головы: над горами плыли темные птицы. И казалось, что это не журавли, а сама тоска распласталась над осенней землей.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На землю упали шепчущие душу журавлиные крики. Сергей с Зиной подняли головы: над горами плыли темные птицы. И казалось, что это не журавли, а сама тоска распласталась над осенней землей.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На землю упали шепчущие душу журавлиные крики. Сергей с Зиной подняли головы: над горами плыли темные птицы. И казалось, что это не журавли, а сама тоска распласталась над осенней землей.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На землю упали шепчущие душу журавлиные крики. Сергей с Зиной подняли головы: над горами плыли темные птицы. И казалось, что это не журавли, а сама тоска распласталась над осенней землей.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На землю упали шепчущие душу журавлиные крики. Сергей с Зиной подняли головы: над горами плыли темные птицы. И казалось, что это не журавли, а сама тоска распласталась над осенней землей.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На землю упали шепчущие душу журавлиные крики. Сергей с Зиной подняли головы: над горами плыли темные птицы. И казалось, что это не журавли, а сама тоска распласталась над осенней землей.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На землю упали шепчущие душу журавлиные крики. Сергей с Зиной подняли головы: над горами плыли темные птицы. И казалось, что это не журавли, а сама тоска распласталась над осенней землей.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На землю упали шепчущие душу журавлиные крики. Сергей с Зиной подняли головы: над горами плыли темные птицы. И казалось, что это не журавли, а сама тоска распласталась над осенней землей.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На землю упали шепчущие душу журавлиные крики. Сергей с Зиной подняли головы: над горами плыли темные птицы. И казалось, что это не журавли, а сама тоска распласталась над осенней землей.

— Нет, ты... чужая, — задумчиво ответил Сергей.

На крыше шумно выясняли отношения возмущенные голубы. Сквозь стекла витрины, изображавшего не то верхового рыцаря, не то двухголового оленя, проливались горячие лучи июльского солнца, рассыпаясь по стене голубыми и алыми бликами. Внимательная муха неторопливо изучала расставленные по столу разномастные склянки.

— Подумаешь, разрыв-трава! — Нарушив наконец молчание, презрительно фыркнула Вельма, и ее веретене ткнулось в безразлично скучающий под ногами потрепанный коврик. — Да и не сезон на нее сейчас. Дам-ка я тебе лучше невидимую нитку-вампирика! Подкинь ее стражникам и тыи себе из них кровь, как томатный сок через соломинку. Ох, вкусно! Только вот винцом чересчур припахивает, а молоденькие девушки вечно от него воротят носы!

Вельма довольно хохотнула и метнула материнский взгляд на дымчатого кота, в невольной позе пристроившегося у холодного камин. Красный линялый бант обремененного на благосклонности хозяйки создания был непомерно велик и, сбившись набок, причинял видимое, но привычное неудобство.

— Эй! Эй! Что плачешь? Не хочешь, стало быть, брать мою нитку? Ах-ха-ха! Так что там за книги печатал твой Галилео? Христианские? Мда... Правильно, что посадили! За такое еще не то полага-

тес! Ну, Великий Инквизитор его не простит, точно, не простит. Дорвался до власти, пройдох. Пепел Клааса, видите ли, стучит в его сердце! Бедняги Клааса давно и след простыл, а сколько еще народу превратится в пепел из-за этого стука... Запомни мой совет, девочка, бросай пепел своей судьбы в Немую реку, не место ему у живого сердца.

На мгновение Вельма задумалась о чем-то своем, но вскоре вновь заговорила, то и дело хихикая.

— А и семейка у вас, однако, даром, что благородней! Золотоволосый! Герберт, матушкина гордость, ищет госпожу Удачу на большой дороге, разумник Галилео дожидается казни за крамолу, а их маленькая беленькая сестрица кидается с Вельмой. С Вельмой, при звуке имени которой сам Великий Инквизитор покрывается багровыми пятнами и прыщами с головы до ног! Да, не хнычь ты! Скажи-ка лучше, где он сидит, твой премудрый братец. В Западной башне? Хмм... А это меняет дело. Пожалуй, я действительно смогу тебе помочь. Ведь со стороны рва замок давным-давно не охраняют.

Ах, мало уже кто помнит, что прежде был там переулочек Влюбленных, заветное

место свиданий. Сколько признаний слышали каменные ступени, лежащие теперь глубоко под водой! В те времена правил рыжебородый Понтий V, что как огня боялся внезапного появления неприятеля. Оттого-то и повелел он построить ров и направить туда Немую реку. О, тогда еще не была она немой! Говорливые потоки дерзко не повиновались высочайшему указу и уходили под землю, до тех пор, пока на дне не замуровали бедняжку Немую Королеву... Трусливы Понтий не посмел возразить тогдашнему Инквизитору, объявившему, что ров заполнитесь водой лишь после казни несчастной. Так и вышло, правда, с тех времен река стала такой же безгласной, как покойная

Королева. Да, грустная это история. Как видишь, с Великим Инквизитором шутили плохо, но уж Галилео удастся от него ускользнуть.

Понтишка в углу за шкафом старые сапоги да встрахивал их хорошенько, чтоб проснулись. Надевший их пройдет и в огне, и под водой, а если в сердце его горит пламя любви, так даже и по воздуху. Ведь это сапоги Влюбленного Гренадера. Ничто на свете не могло устроить его! Сильны были мои чары в то время, ого! всюду находил он ко мне дорогу. И все же однажды душа его ушла в пятки... Может, когда-нибудь я расскажу тебе и эту историю. После нее уж не видела я больше своего Гренадера, а вот сапоги

пришли да так и остались. Нынче-то они совсем одряхлели, все норывает подермать, а нет, так простит камиш. Страсть, как уважают манную кашу!

Так вот. Придется тебе, надев Сапоги Влюбленного Гренадера, пройти по дну Немой реки до самой Западной башни. Не бойся, не заблудишься, сапоги отлично знают дорогу. Да не забудь захватить с собой пару белых роз, уж как любила их Немая Королева! Будешь проходить

дражками внутренностями, двояга стрелки к стартовым цифрам. Наконец, до Галкиной дошло, о чем говорил солдат. Она шагнула к сейфу, деловито повернула огромный ключ в скважине и дернула на себя дверцу. Все вытянулось шею, насколько было возможно, чтобы заглянуть вовнутрь. На одной из полок лежала аккуратная стопка маек и трусов. В глубине виднелся целлофановый пакет с носками. «На всех хватит!», — резюмировала Галкина.

Зашуршали газеты. Женщины тщательно вытирали зубной пасты и его упаковку. Неожиданно вспомнились об отсутствии необходимого запасного белья. Девочки приуныли. В самом деле, не снимать же с себя! Я с интересом наблюдала, как они выйдут из очередной ситуации? Помощь пришла со стороны. Димка — солдат, прикрепленный к нашему дамскому коллективу, застенчиво предложил свои услуги. В сумятице никто из нас не заметил его появления в отделе, и он беспрепятственно наблюдал за переполохом своего многочисленного начальства.

— Если хотите, возьмите мою, — повторил Димка и кивнул на закрытый сейф.

Мы усталились на солдата в недоумении. Тягостное молчание тянулось слишком долго. А будильник нахально чавкал

— сам фонарь. Таким же образом разозлился тобик зубной пасты и его упаковку. Неожиданно вспомнились об отсутствии необходимого запасного белья. Девочки приуныли. В самом деле, не снимать же с себя! Я с интересом наблюдала, как они выйдут из очередной ситуации? Помощь пришла со стороны. Димка — солдат, прикрепленный к нашему дамскому коллективу, застенчиво предложил свои услуги. В сумятице никто из нас не заметил его появления в отделе, и он беспрепятственно наблюдал за переполохом своего многочисленного начальства.

— Если хотите, возьмите мою, — повторил Димка и кивнул на закрытый сейф.

Мы усталились на солдата в недоумении. Тягостное молчание тянулось слишком долго. А будильник нахально чавкал

— сам фонарь. Таким же образом разозлился тобик зубной пасты и его упаковку. Неожиданно вспомнились об отсутствии необходимого запасного белья. Девочки приуныли. В самом деле, не снимать же с себя! Я с интересом наблюдала, как они выйдут из очередной ситуации? Помощь пришла со стороны. Димка — солдат, прикрепленный к нашему дамскому коллективу, застенчиво предложил свои услуги. В сумятице никто из нас не заметил его появления в отделе, и он беспрепятственно наблюдал за переполохом своего многочисленного начальства.

— Если хотите, возьмите мою, — повторил Димка и кивнул на закрытый сейф.

Мы усталились на солдата в недоумении. Тягостное молчание тянулось слишком долго. А будильник нахально чавкал

— сам фонарь. Таким же образом разозлился тобик зубной пасты и его упаковку. Неожиданно вспомнились об отсутствии необходимого запасного белья. Девочки приуныли. В самом деле, не снимать же с себя! Я с интересом наблюдала, как они выйдут из очередной ситуации? Помощь пришла со стороны. Димка — солдат, прикрепленный к нашему дамскому коллективу, застенчиво предложил свои услуги. В сумятице никто из нас не заметил его появления в отделе, и он беспрепятственно наблюдал за переполохом своего многочисленного начальства.

— Если хотите, возьмите мою, — повторил Димка и кивнул на закрытый сейф.

Мы усталились на солдата в недоумении. Тягостное молчание тянулось слишком долго. А будильник нахально чавкал

— сам фонарь. Таким же образом разозлился тобик зубной пасты и его упаковку. Неожиданно вспомнились об отсутствии необходимого запасного белья. Девочки приуныли. В самом деле, не снимать же с себя! Я с интересом наблюдала, как они выйдут из очередной ситуации? Помощь пришла со стороны. Димка — солдат, прикрепленный к нашему дамскому коллективу, застенчиво предложил свои услуги. В сумятице никто из нас не заметил его появления в отделе, и он беспрепятственно наблюдал за переполохом своего многочисленного начальства.

— Если хотите, возьмите мою, — повторил Димка и кивнул на закрытый сейф.

Мы усталились на солдата в недоумении. Тягостное молчание тянулось слишком долго. А будильник нахально чавкал

— сам фонарь. Таким же образом разозлился тобик зубной пасты и его упаковку. Неожиданно вспомнились об отсутствии необходимого запасного белья. Девочки приуныли. В самом деле, не снимать же с себя! Я с интересом наблюдала, как они выйдут из очередной ситуации? Помощь пришла со стороны. Димка — солдат, прикрепленный к нашему дамскому коллективу, застенчиво предложил свои услуги. В сумятице никто из нас не заметил его появления в отделе, и он беспрепятственно наблюдал за переполохом своего многочисленного начальства.

— Если хотите, возьмите мою, — повторил Димка и кивнул на закрытый сейф.

Мы усталились на солдата в недоумении. Тягостное молчание тянулось слишком долго. А будильник нахально чавкал

— сам фонарь. Таким же образом разозлился тобик зубной пасты и его упаковку. Неожиданно вспомнились об отсутствии необходимого запасного белья. Девочки приуныли. В самом деле, не снимать же с себя! Я с интересом наблюдала, как они выйдут из очередной ситуации? Помощь пришла со стороны. Димка — солдат, прикрепленный к нашему дамскому коллективу, застенчиво предложил свои услуги. В сумятице никто из нас не заметил его появления в отделе, и он беспрепятственно наблюдал за переполохом своего многочисленного начальства.

— Если хотите, возьмите мою, — повторил Димка и кивнул на закрытый сейф.

Мы усталились на солдата в недоумении. Тягостное молчание тянулось слишком долго. А будильник нахально чавкал

— сам фонарь. Таким же образом разозлился тобик зубной пасты и его упаковку. Неожиданно вспомнились об отсутствии необходимого запасного белья. Девочки приуныли. В самом деле, не снимать же с себя! Я с интересом наблюдала, как они выйдут из очередной ситуации? Помощь пришла со стороны. Димка — солдат, прикрепленный к нашему дамскому коллективу, застенчиво предложил свои услуги. В сумятице никто из нас не заметил его появления в отделе, и он беспрепятственно наблюдал за переполохом своего многочисленного начальства.

— Если хотите, возьмите мою, — повторил Димка и кивнул на закрытый сейф.

ПРИЕМ ПО ЛИЧНЫМ ВОПРОСАМ

место свиданий. Сколько признаний слышали каменные ступени, лежащие теперь глубоко под водой! В те времена правил рыжебородый Понтий V, что как огня боялся внезапного появления неприятеля. Оттого-то и повелел он построить ров и направить туда Немую реку. О, тогда еще не была она немой! Говорливые потоки дерзко не повиновались высочайшему указу и уходили под землю, до тех пор, пока на дне не замуровали бедняжку Немую Королеву... Трусливы Понтий не посмел возразить тогдашнему Инквизитору, объявившему, что ров заполнитесь водой лишь после казни несчастной. Так и вышло, правда, с тех времен река стала такой же безгласной, как покойная

Виктория Измайлова

Мы уже познакомили вас с поэтическим творчеством Виктории. Предлагаем ее первую работу в прозе.

пришли да так и остались. Нынче-то они совсем одряхлели, все норывает подермать, а нет, так простит камиш. Страсть, как уважают манную кашу!

Так вот. Придется тебе, надев Сапоги Влюбленного Гренадера, пройти по дну Немой реки до самой Западной башни. Не бойся, не заблудишься, сапоги отлично знают дорогу. Да не забудь захватить с собой пару белых роз, уж как любила их Немая Королева! Будешь проходить

дражками внутренностями, двояга стрелки к стартовым цифрам. Наконец, до Галкиной дошло, о чем говорил солдат. Она шагнула к сейфу, деловито повернула огромный ключ в скважине и дернула на себя дверцу. Все вытянулось шею, насколько было возможно, чтобы заглянуть вовнутрь. На одной из полок лежала аккуратная стопка маек и трусов. В глубине виднелся целлофановый пакет с носками. «На всех хватит!», — резюмировала Галкина.

Зашуршали газеты. Женщины тщательно вытирали зубной пасты и его упаковку. Неожиданно вспомнились об отсутствии необходимого запасного белья. Девочки приуныли. В самом деле, не снимать же с себя! Я с интересом наблюдала, как они выйдут из очередной ситуации? Помощь пришла со стороны. Димка — солдат, прикрепленный к нашему дамскому коллективу, застенчиво предложил свои услуги. В сумятице никто из нас не заметил его появления в отделе, и он беспрепятственно наблюдал за переполохом своего многочисленного начальства.

— Если хотите, возьмите мою, — повторил Димка и кивнул на закрытый сейф.

Мы усталились на солдата в недоумении. Тягостное молчание тянулось слишком долго. А будильник нахально чавкал

— сам фонарь. Таким же образом разозлился тобик зубной пасты и его упаковку. Неожиданно вспомнились об отсутствии необходимого запасного белья. Девочки приуныли. В самом деле, не снимать же с себя! Я с интересом наблюдала, как они выйдут из очередной ситуации? Помощь пришла со стороны. Димка — солдат, прикрепленный к нашему дамскому коллективу, застенчиво предложил свои услуги. В сумятице никто из нас не заметил его появления в отделе, и он беспрепятственно наблюдал за переполохом своего многочисленного начальства.

— Если хотите, возьмите мою, — повторил Димка и кивнул на закрытый сейф.

Мы усталились на солдата в недоумении. Тягостное молчание тянулось слишком долго. А будильник нахально чавкал

— сам фонарь. Таким же образом разозлился тобик зубной пасты и его упаковку. Неожиданно вспомнились об отсутствии необходимого запасного белья. Девочки приуныли. В самом деле, не снимать же с себя! Я с интересом наблюдала, как они выйдут из очередной ситуации? Помощь пришла со стороны. Димка — солдат, прикрепленный к нашему дамскому коллективу, застенчиво предложил свои услуги. В сумятице никто из нас не заметил его появления в отделе, и он беспрепятственно наблюдал за переполохом своего многочисленного начальства.

— Если хотите, возьмите мою, — повторил Димка и кивнул на закрытый сейф.

Мы усталились на солдата в недоумении. Тягостное молчание тянулось слишком долго. А будильник нахально чавкал

— сам фонарь. Таким же образом разозлился тобик зубной пасты и его упаковку. Неожиданно вспомнились об отсутствии необходимого запасного белья. Девочки приуныли. В самом деле, не снимать же с себя! Я с интересом наблюдала, как они выйдут из очередной ситуации? Помощь пришла со стороны. Димка — солдат, прикрепленный к нашему дамскому коллективу, застенчиво предложил свои услуги. В сумятице никто из нас не заметил его появления в отделе, и он беспрепятственно наблюдал за переполохом своего многочисленного начальства.

— Если хотите, возьмите мою, — повторил Димка и кивнул на закрытый сейф.

Мы усталились на солдата в недоумении. Тягостное молчание тянулось слишком долго. А будильник нахально чавкал

— сам фонарь. Таким же образом разозлился тобик зубной пасты и его упаковку. Неожиданно вспомнились об отсутствии необходимого запасного белья. Девочки приуныли. В самом деле, не снимать же с себя! Я с интересом наблюдала, как они выйдут из очередной ситуации? Помощь пришла со стороны. Димка — солдат, прикрепленный к нашему дамскому коллективу, застенчиво предложил свои услуги. В сумятице никто из нас не заметил его появления в отделе, и он беспрепятственно наблюдал за переполохом своего многочисленного начальства.

— Если хотите, возьмите мою, — повторил Димка и кивнул на закрытый сейф.

Мы усталились на солдата в недоумении. Тягостное молчание тянулось слишком долго. А будильник нахально чавкал

— сам фонарь. Таким же образом разозлился тобик зубной пасты и его упаковку. Неожиданно вспомнились об отсутствии необходимого запасного белья. Девочки приуныли. В самом деле, не снимать же с себя! Я с интересом наблюдала, как они выйдут из очередной ситуации? Помощь пришла со стороны. Димка — солдат, прикрепленный к нашему дамскому коллективу, застенчиво предложил свои услуги. В сумятице никто из нас не заметил его появления в отделе, и он беспрепятственно наблюдал за переполохом своего многочисленного начальства.

— Если хотите, возьмите мою, — повторил Димка и кивнул на закрытый сейф.

Мы усталились на солдата в недоумении. Тягостное молчание тянулось слишком долго. А будильник нахально чавкал

— сам фонарь. Таким же образом разозлился тобик зубной пасты и его упаковку. Неожиданно вспомнились об отсутствии необходимого запасного белья. Девочки приуныли. В самом деле, не снимать же с себя! Я с интересом наблюдала, как они выйдут из очередной ситуации? Помощь пришла со стороны. Димка — солдат, прикрепленный к нашему дамскому коллективу, застенчиво предложил свои услуги. В сумятице никто из нас не заметил его появления в отделе, и он беспрепятственно наблюдал за переполохом своего многочисленного начальства.

— Если хотите, возьмите мою, — повторил Димка и кивнул на закрытый сейф.

место свиданий. Сколько признаний слышали каменные ступени, лежащие теперь глубоко под водой! В те времена правил рыжебородый Понтий V, что как огня боялся внезапного появления неприятеля. Оттого-то и повелел он построить ров и направить туда Немую реку. О, тогда еще не была она немой! Говорливые потоки дерзко не повиновались высочайшему указу и уходили под землю, до тех пор, пока на дне не замуровали бедняжку Немую Королеву... Трусливы Понтий не посмел возразить тогдашнему Инквизитору, объявившему, что ров заполнитесь водой лишь после казни несчастной. Так и вышло, правда, с тех времен река стала такой же безгласной, как покойная

Елена Мокхаровская

Мы уже познакомили вас с поэтическим творчеством Виктории. Предлагаем ее первую работу в прозе.

пришли да так и остались. Нынче-то они совсем одряхлели, все норывает подермать, а нет, так простит камиш. Страсть, как уважают манную кашу!

Так вот. Придется тебе, надев Сапоги Влюбленного Гренадера, пройти по дну Немой реки до самой Западной башни. Не бойся, не заблудишься, сапоги отлично знают дорогу. Да не забудь захватить с собой пару белых роз, уж как любила их Немая Королева! Будешь проходить

дражками внутренностями, двояга стрелки к стартовым цифрам. Наконец, до Галкиной дошло, о чем говорил солдат. Она шагнула к сейфу, деловито повернула огромный ключ в скважине и дернула на себя дверцу. Все вытянулось шею, насколько было возможно, чтобы заглянуть вовнутрь. На одной из полок лежала аккуратная стопка маек и трусов. В глубине виднелся целлофановый пакет с носками. «На всех хватит!», — резюмировала Галкина.

ПРЕСС-БЮРО

Ада Забелина

В эти осенние дни у читинских театралов праздник — у нас побывали артисты Московского театра "Современник". Они показали спектакль Николая Коляды "Мурлин Мурло" в постановке народной артистки СССР, Лауреата Государственной премии, художественного руководителя одного из лучших столичных театров страны Галины Волчек.

В спектакле были заняты звезды кино и театра, хорошо известные забайкальцам. Заслуженная артистка России Елена Яковлева — исполнительница главных ролей в фильмах "Интердевочка", "Петербургские тайны", "Анкор, еще Анкор", "Русская рулетка", "Воспитание жестокости у женщин и собак", "Одна из многих" и других. В фильмах "Вечный зов", "Свет в окне", "Остров Серафимы" в центральных ролях снималась заслуженная артистка России Тамара Дегтярева. Не менее известны и заслуженные артисты России Валерий Шальных и Валерий Хлевинский. Многие забайкальцы видели их в фильмах "Дядюшкин сон", "Вечный зов", "Отцы и дети", "Поздняя любовь".

На читинской сцене московские гости дали три спектакля. Они еще раз опровергли мнение тех, кто считает наш город нетеатральным. В зале драматического театра, буквально, негде было яблоку упасть. Многие зрители довольствовались лишь входными билетами. Сотни желающих так и не сумели попасть на спектакль, так как еще задолго до приезда москвичей все билеты были распроданы.

Зрители получили удовольствие и от великолепной игры всей четверки и от блестящей режиссуры Галины Волчек.

Елена Яковлева.

Семь лет назад по инициативе ангарского народного театра "Чудак" на Байкале, на базе отдыха ангарских нефтехимиков прошел первый фестиваль любительских театральных коллективов. Ему было суждено стать традиционным. В этом празднике участвуют самостоятельные артисты Восточной и Западной Сибири, Омска, Новосибирска, Якутии, Иркутской и Читинской областей. На фестиваль приезжают гости из Германии, Франции, Монголии. Его неизменными участниками являются известные московские критики.

Вот и на этот раз на Байкал прибыли лучшие самостоятельные творческие коллективы, чтобы принять участие в "Байкальской театральной осени — 96". Забайкалье представляет лауреат областного фестиваля — народный театр из города Нерчинска. На суд зрителей и жюри он привез спектакль по пьесе Александра Вампилова "Провинциальные анекдоты" в постановке режиссера театра Константина Гамова.

Для тех, кому оказана честь попасть на фестиваль, главное заключается не только в том, чтобы продемонстрировать свое искусство. Интересно увидеть, что покажут коллеги, услышать мнение авторитетных столичных критиков. Словом фестиваль является настоящей творческой лабораторией.

Х

леба и зрелищ требовали древние. Ныне в почете запросы иные. Давай нам футбол и песен! И дадут. Петь и играть сегодня модно. Даже эстрадно-футбольное шоу придумали. Развезают по городам и весям — на стадионах полный аншлаг.

Сначала финтят на поле, потом дуют под фонограмму, но толпе нравится.

Среди музыкально-футбольных звезд первой величины — раз, два и обчелся. Вне всякой конкуренции Зураб Соткилава. Судьба готовила ему футбольное благополучие под солнцем. Он был признанным игроком тбилисского "Динамо". Но нашлись умные головы и отлучили в его же, Зураба, интересах от футбола. Другая видела, что Зураб разрывался между футболом и пением. А пел Зураб — заслушаешься. Ныне народный артист СССР, солист академического Большого театра Зураб Соткилава — один из популярнейших певцов мира.

Или Сергей Беликов. Помните, "снится мне деревня", а еще — "живи, родник, живи"? Парень всерьез увлекался футболом, выступал за команду мастеров, но песня победила.

Я полагаю, читинца Виктора Столярова, солиста ансамбля песни и пляски Краснознаменного Забайкальского пограничного округа, к ним, этим псевдоуниверсалам, не отнести. Лучшее доказательство тому — Указ Президента России, согласно которому за заслуги в области музыкального искусства Виктору Константиновичу Столярову присвоено почетное звание "Заслуженный артист Российской Федерации". Кстати, первому в ансамбле за все годы его существования.

Но мало кто сегодня знает, что восхождение Виктора Столярова к музыкальному Олимпу начиналось с футбола. Да, да, с самого заурядного.

Полюбил он футбол в детстве, играя за дворовые и уличные команды, занимался в детско-юношеской спортивной школе. Потом была армия, по возможности играл и там. А когда вернулся домой, его заметил Евгений Александрович Поваров, тренер профсоюзной команды "Забайкалец", как тогда писали на афишах, команды мастеров класса "Б", и пригласил в коллектив читинских футболистов.

Шел 1966 год. Тогда я работал зав. отделом спорта "Комсомольца Забайкалья", нередко выезжал с командой в другие города, видел ребят в настоящем деле, даже играл с ними на тренировках в знаменитый "дыр-дыр". Словом, знал команду изнутри, а не визуальное, с трибун. И Виктора Столярова знал весьма хорошо.

У меня сохранился первый спортивный выпуск "Комсомольца Забайкалья". 24 апреля 1966 года газета вышла в нетрадиционном формате, а в виде четырех "восьмушек", как выходил "Футбол". От корки до корки

Сотрудник Читинского филиала "Русское радио", художник-модельер по специальности, Светлана Батаенкова мечтает работать по профессии.

М

ода — загадочная, неповторимая, таинственная, непредсказуемая, изменчивая, волнующая. Говоря о моде список эпитетов можно продолжать до бесконечности.

Человека увлекает не столько красота и полезность нового, сколько отличие от людей немодных. Мода является формой массового поведения, которое основано на подражании, возникает стихийно под влиянием общественных настроений и быстро изменяющихся вкусов и увлечений.

Мода стимулирует нашу психическую активность, привносит в жизнь разнообразие и в то же время защищает нас от динамичности жизни, опираясь на стереотипы. А для лич-

ПЕСНИ КИНЖАЛЬНЫХ АТАК

газета рассказывала о спорте, забайкальских спортсменах, поднимала проблемы массовой физкультуры. Естественно, футбол не был оставлен без внимания. Ему был посвящен целый раздел: приближался футбольный сезон 66-го года.

Смотрю я на фотографии тренеров и футболистов тридцатилетней давности и больно становится от мысли, что "иных уже нет, а те далеки". В одночасье расправилась раковая опухоль с доктором команды — П.А. Шовкуном, ставшим кандидатом медицинских наук. Только несколько недель пережил свое шестидесятилетие футбольный вратарь и мастер русского хоккея В.М. Бриллиантов, болельщики нарекли его "Королем". В команде-66 он был вторым тренером. Трагически оборвалась жизнь у Анатолия Астафьева, игрока универсального, надежного, при загадочных обстоятельствах погиб в огне защитник Валентин Антонов.

Многие разъехались: в Приморье работает любимый читинский публики Виктор Гудим, в Хабаровск вернулся красавец-защитник Анатолий Богданов, в Казахстане проживает нападающий Виктор Дронкин, в Бурятии — защитник Виктор Чикачев и Николай Высоцкий, в другие края поехали полузащитник Валерий Вандышев (говорят, что он умер), нападающие Иван Шевченко и Иван Анисимов. На Украине работает бывший тренер "Забайкальца" Е.А. Поваров, по кличке "Ухvat".

Остальные по-прежнему живут в Чите. Мы нередко встречаемся с вратарем Валерием Самойловым, с нападающими Олегом Семеновым и Александром Обуховым, Анатолием Кузнецовым. Совсем недавно свое пятидесятилетие отпраздновали Виктор Веревкин, по моему, один из самых талантливейших читинских футболистов в шестидесятые годы, и Василий Коробкин, вратарь, переквалифицировавшийся в защитника.

Ребята той команды были как на подбор. И среди них не затерялся Виктор Столяров. Под его фотографией, помещенной в газете, данные о нем: когда родился, какой его рост и вес. Сообщалось, что в "Забайкалец" он принят после службы в Советской Армии, что он член ВЛКСМ и имеет среднее образование, и что футбольная специальность — нападающий.

К "молодым" в команде относились, как мне думается сегодня, предвзято. Дедовщины не было, была кон-

курения за место в основном составе, "основе". Уступать же никто не хотел. Так что Столярову пришлось на первых порах не сладко в компании корифеев. Тем не менее на поле он периодически появлялся, выходил на замену. Возможно, Виктор играл бы дальше. Но в команде возник "киш" Гудым, признанный лидер в команде и, как я уже говорил, любимец "боле". Не поладил с тренером. Пошли разборки, команда разделилась на два лагеря. В итоге — "Забайкалец" покатила вниз. Гудым отчислили, а потом заменили Поварова, состряпав против него уголовное дело (за финансовые махинации), засудили и отправили на отсидку в Мозгон. Правда, вскоре разобрались и Евгения Александровича освободили. Конечно же, он не захотел жить в городе, в котором его подставили.

Команду принял другой, а новая метла метет по-своему. Команды как таковой не стало: "Забайкалец" по инерции доиграл сезон, затем его распустили, а в Читу вернулись армейский коллектив из Улан-Удэ. В.В. Зубаревич прибыл в столицу Забайкалья

со своими проверенными в боях ребятами. Места Столярову в команде не оказалось. Он ушел, но с футболом не завязал, добрый десяток лет играл за читинское "Торпедо", его призывали под знамена сборной области, последние годы Виктор Константинович играл за команду ветеранов. Годы берут свое, но в ансамбле пограничников усилиями того же Столярова, футбол в почете. В перерывах между репетициями мужская часть ансамбля отдается все тому же "дыр-дыру", своеобразному мини-футболу на паркетных клубах.

А как же музыка, пение? Однажды (а футболисты обычно питаются в ресторанах при гостиницах, где проживают) пришли мы на завтрак, в ресторане, кроме нас никого, на эст-

Владимир
Галактионов

раде отдыхают инструменты. Виктор поднялся на подмостки, сел за ударную установку и "выдал". Да так, что все мы про еду забыли. Тогда-то я узнал, что Виктор увлекается музыкой, неплохо владеет гитарой и барабанами.

В шестидесятые, как грибы после дождя, стали расти ВИА — вокально-инструментальные ансамбли. В одном из таких коллективов занял свое место Виктор Столяров. В ансамбле, как правило, играют и поют.

Виктора заметили, пригласили в ансамбль пограничников хористом. В то время признанным солистом его считался Иван Прокопенко, лирический тенор. Все лучшее, новейшее отдавалось ему. Но постепенно, понемножку, по шажку и Столярова стали замечать. Когда в ансамбль пришел Юрий Гольдсobel, который знал Столярова еще по выступлению в ВИА, расцвел талант Виктора. После А.М. Васильевского, известного забайкальского композитор-песенник, одно время руководивший ансамблем пограничников, признается: "Не думал, что из Столярова что-нибудь получится, а голос у него прозрел, толк из парня будет". И не ошибся.

Сегодня в репертуаре заслуженного артиста России Виктора Столярова более трехсот песен. Пограничники, жители приграничных сел и городов узнают его, помнят по прежним выступлениям. А аудитория у ансамбля пограничников занимает территорию, в десятки раз превышающую площадь многих стран мира. Это Читинская область, это Бурятия и Тува, это Иркутск и Горно-Алтайская республика. От истоков Амура до границы с Казахстаном простирается она.

Репертуар у Столярова обширен. А мне запомнилось исполнение им песни Виктора Константиновича на юбилейном концерте в честь тридцатилетия ансамбля "Грустные ивы склонились к пруду, туча на небе темна, первый снаряд разорвался вдали — так начиналась война". Запомнилась его манера — мягкая, лиричная, ненавязчивая. Виктору долго аплодировали: и ветераны пограничной, и сегодняшняя смена воинов границы, и просто те, кто пришел поздравить юбиляров.

Сейчас, когда Виктор Столяров, выходит на сцену, ведущий концерта объявляет: "Солист — заслуженный артист Российской Федерации Виктор Столяров".

Поет также вдохновенно, как когда-то на футбольном поле закручивал песню кинжальных атак.

ПО ОДЕЖКЕ ВСТРЕЧАЮТ...

ности она всегда была способом самовыражения.

Одежда так же как и питание и жилище, является важнейшим условием существования человека и первоначально была защитой от воздействия окружающей среды. Отдельные группы людей имеют свой набор частей одежды, то есть свой костюм. Так мы легко отличим костюм горожанина от крестьянского костюма, детский костюм от костюма взрослого человека. Дирижер никогда не надеет костюм слесаря. Костюм — это знак узнаваемости.

С давних пор одежда служила человеку не только для защиты от воздействия окружающей среды, но и для украшения. Потребность украшать тело возникла даже раньше, чем сама одежда, так как еще задолго до ее появления люди разукрашивали свое тело в разные цвета.

Уже в первобытном обществе внутри родовой общины по одежде можно

было определить самого сильного, ловкого и уважаемого по тому, насколько богатым и великолепным было украшение его одежды. Не случайно в классовом обществе мода стала привилегией господствующего класса. Происхождение, общественное положение и богатство позволяли небольшой высшей прослойке населения одеждой и украшениями выделяться среди общей массы людей. Для этой цели изготавливались материалы, которые могли себе позволить только богатые. Покрой одежды выбирался с таким расчетом, чтобы ее не мог носить простолудин (например, шлейф, корсет, кринолин, рукава, спускающиеся до пола).

Победа буржуазии привела к демократизации моды, сословные костюмы были упразднены, каждый имел право носить то, что он хотел. Покрой одежды упростился, материалы стали скромнее. Но... Буржуазная мода смогла лишь уменьшить социаль-

ные различия в одежде, а не устранить их. Неправда ли, эта тенденция сохранилась и сейчас.

Таким образом, костюм — это самый тонкий индикатор проявления социальных градаций, то что носят одни, не имеют возможности носить другие. И сегодня, окинув взглядом толпу, без проблем можно выделить бедных и состоятельных людей, интеллигентов и простаков.

Вячеслав Сериков

В 1610-е годы наряду с религиозными произведениями в творчестве Рубенса большое место занимают картины мифологического содержания. "Самсон и Далила" (1609, Национальная галерея, Лондон) — одна из ранних работ молодого художника.

В одной из библейских легенд рассказывается о богатыре Самсоне, который с самого рождения был наделен огромной силой, данной от бога. Поэтому Самсона никто не мог победить, и он одержал много побед над враждебным племенем филистимлян.

Те никак не могли понять, в чем сила героя. Но однажды хитростью, с помощью коварной женщины Далилы, им удалось открыть этот секрет. Самсон признался ей: "Бритва никогда не ка-

рваться и пленить обессиленного героя.

Сцена освещена пятью источниками света: огонь в медном кувшине, свеча в руках сводницы (деталь, указывающая на то, что Далила — блудница), горящая лампа с растительным маслом перед статуей — в нише, факел в руке солдата в дверях и пятый — невидимый, освещающий передний план картины. Рубенс блестяще демонстрирует мастерство рисунка и лепки светотенью мускулатуры обнаженного Самсона, добиваясь скульптурного рельефа мышц. В желании предельно приблизиться к натуре, в использовании темного фона, который мощным контрастом подчеркивает светлые части полотна, во всем этом, без сомнения, звучат отго-

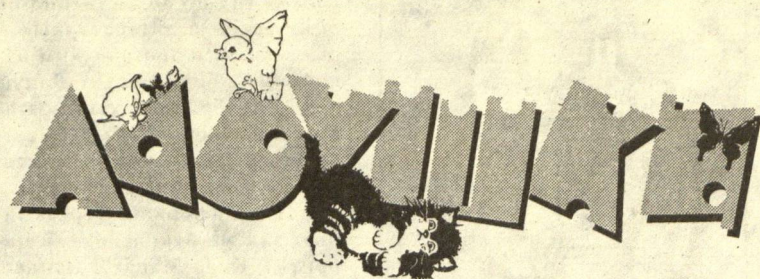
Мастерство художника мощно ощущается в портрете Далилы. С одной стороны — она, конечно, красавица, с другой — "профессионалка". Далила пассивна. Ее рука, лежащая спокойно и мягко на спине Самсона, несомненно, выдает безразличие Далилы или даже ее расчетливость. Холодное и равнодушное выражение лица подчеркивается скульптурой Венеры и Купидона на заднем плане картины. У Купидона завязаны глаза, а рот, что олицетворяет неслепую любовь, а любовь по расчету. Самсон, пожертвовавший собой, чтобы уничтожить врагов, традиционно уподобляется Христу. Работа малооригинальная, даже ученическая, и воспринимается, как подготовка к созданию будущих сюжетов.

Но возвратимся к библейской легенде, в которой говорится, что чудесная сила вновь вернулась к герою вместе с волосами. Оказывается существует древнее-древнее поверье о колдовской силе волос. Остатки этого поверья сохранились в церковном быту до сих пор. Православные священнослужители по церковному уставу обязаны иметь длинные волосы.

К голове с давних времен относились крайне почитательно. Она считалась священной, и переступить через голову лежащего значило неслыхано оскорбить его. Люди были убеждены, что в голове и волосах сосредоточена таинственная жизненная сила. Поэтому стрижка волос оказывалась делом весьма ответственным. Если же остатки волос попадали в руки врага, горе древнего человека не поддавалось описанию: ведь в этом случае противник получал верную возможность заколдовать его.

Джулиано Медичи, рисунок с которой Рубенс сделал во Флоренции. Мускулистая фигура Самсона одновременно напоминает Геркулеса из Фарнезе и торс Аполлона Бельведерского. Делая зарисовки с античных фигур, Рубенс не копирует, а как бы ищет в статуе живую модель, послужившую

ее прообразом, таким образом как бы вдыхая в камень плоть и кровь живой натуры.

Михаил Вишняков

ПОЛОСАТЫЕ ДРУЗЬЯ

Бурундук Турундук родился без нарядных полосок на спине. У его братьев, как у всех бурундучат, были на спинах красивые полоски. Серые, темно-коричневые, и светло-коричневые. Братья очень гордились своими полосками, мыли их в чистой росе, сушили на солнце, расчесывали на ветру.

Загрустил бурундук Турундук. Стал просить у братьев:

— Дайте мне по одной полоске!

— Какой хитрый? У тебя прибавится, у нас убавится. Не дадим! — ответили братья.

А тут ветер налетел: закачал деревья, зашумел листьями. Совсем грустно стало бурундуку Турундуку.

Но хорошо, что рядом жил его лучший друг муравей Мурвейка. Он пришел и стал успокаивать Турундука:

— Не грусти, Турундучок! Пойдем к полосатому тигру, попросим у него самую красивую полоску с тигриной шкуры.

Друзья отыскали старого и уважаемого в лесу Тигра Тигровича.

— Тигран Тигрович, пожалуйста, дай бурундуку Турундуку одну полоску с твоей полосатой шубы, — попросил Мурвейка.

— Мои полоски большие, ему не подойдут, — ответил Тигран Тигрович. — Может быть, мой сын Тигруша подарит? Позвали Тигрушу. Он выслушал просьбу.

— Мне не жалко, возьми одну полоску с левого уха, — сказал Тигруша и подарил бурундуку Турундуку замечательную рыжую полоску, которой хватило на несколько штук для серой спины бурундука Турундука.

С того дня бурундук Турундук, Тигруша и Мурвейка стали большими друзьями. Когда Тигруша идет по тропинке мимо дупла бурундука, тот обязательно свистнет и скажет:

— Цфить-цфить! Привет, мой полосатый друг!

ПОЧЕМУ У ПОПА ДЛИННЫЕ ВОЛОСЫ

• Глава из будущей книги •

салась головы моей, ибо я избранник божий. Если же остричь меня, то отступится от меня сила моя и я буду слаб, как все люди".

Тогда Далила усыпила его и остригла все "семь его кос". После этого явились враги, взяли Самсона в плен и выкололи ему глаза. Они долго потешались над бессильным героем, который, скованный цепями, молот зерно в их тюрьме. Однажды, в день своего праздника, собралось больше трех тысяч филистимлян, и они

лоски итальянских воспоминаний, и даже точнее, — влияние Караваджо (1573–1610). Не один, а несколько источников света, характер изображения модных драпировок вверху и слева, античная посуда с напитками и целый ряд деталей прямо указывают на влияние немецкого художника Адама Эльсхеймера (1578–1610), высокоценного Рубенсом. Поза полужающейся Далилы подсказана художнику фигурой "Ночи", выполненной Микеланджело (1475–1564) для гробницы

потребовали привести Самсона, чтобы позабавиться над ним. Но они не знали, что его волосы начали отрастать. Слепого Самсона подвели к столбам, на которых держался дом, и он, упершись в них руками, неожиданно обрушил дом и вместе с собой погубил всех своих врагов. Чудесная сила вновь вернулась к герою вместе с волосами.

На картине Рубенс изображает Самсона спящим на коленях Далилы. Узнавшая в конце концов секрет Самсона Далила усыпила героя и позвала парикмахера, который и обрезает "семь кос" с его головы. На заднем плане в открытых дверях видны пятеро филистимлян, готовых по команде во-

В средние века в странах Европы свирепствовала инквизиция — специальный церковный суд по борьбе с еретиками-отступниками. "Врагов" веры жестоко пытали. Перед пыткой на теле этих людей сбривали все волосы. Считалось, что тем самым их лишают силы и стойкости. Бывали случаи, когда настоящие преступники, отрицавшие свою вину, лишившись волос, сознавались во всем. Так сильна была власть суеверного представления. Оно проникло и на страницы Библии. Иисус Христос, земное воплощение Бога, в соответствии с традицией тоже изображается с волосами до плеч. Оно дошло и до наших дней и не только в уставе священнослужителей. В послевоенные годы подстригавшая меня, малыша, моя мать строго наставляла, что остриженные волосы надо тщательно собирать, чтобы они не попали в чужие руки. Позже, в парикмахерской, я с недоумением наблюдал, как их без всякой предосторожности сметали веником в общую кучу и выбрасывали в мусорное ведро.

Читинской Центральной детской художественной школе нынче 50 лет. Более пятидесяти ее бывших учеников стали членами Союза художников России. О творческой деятельности коллектива педагогов и юных дарований этой школы мы расскажем в следующем номере. Предлагаем вашему вниманию рисунки сегодняшних воспитанников Веры Еремеевской (справа вверху), Светы Чичеровой (внизу), и Оли Комогорцевой (вверху слева).

МИФОЭТЮД

...Дело было в раю. Лапундер узнал, что Ева приглашает Адама пойти к древу познания добра и зла. Лапундер встал пораньше, взял ножовку и спилил это самое дерево. Обрубил ветки, а ствол разделил на три части. Первую подарил Ною:

— Строй свой ковчег, спасай род людской. А там видно будет.

Вторую часть древа познания отдал Диогену:

— Расцепай на клепки, сооруди себе бочку и живи в ней. Этим войдешь в историю.

Третья часть, самая макушка, на которой росли яблоки, до сих пор не найдена. Никто не знает где она и на что ее можно приспособить? Лапундер же начисто забыл про это. Вот почему в ясные лунные ночи он приходит к людям и спрашивает:

— Где макушка древа познания, а? Где макушка, а?

Второй год по общественно-политическим и литературным, рекламным и эротическим изданиям Сибири бродит Лапундер — внебрачный сын поэта Михаила Вишнякова. Обыватели утверждают, что в отместку за свое рождение Лапундер придумал афоризм: "Трезвый поэт так же некрасив, как побритый Карл Маркс". Однако, по мнению газеты "Красноярский вестник" даже "бравый солдат Швейк, по умственной неразвитости автора, тоже был немного Лапундером". В итоге, сколько не плюй в колодец — он в лес смотрит.

ЧИТАЭТЮД

Итак, в пятницу Лапундер пришел в Чит. По стечению обстоятельств, дорогу ему перешла не черная кошка, а всего лишь сотрудница налоговой инспекции. Не будучи суеверным, Лапундер пожал плечами да старомодно приподнял шляпу:

— Сударыня, будьте любезны, подскажите где в Чите можно выпить стаканчик не разбавленного рома?

— Вот в том кафе, — показала прелестница пальчиком, — у директора умерла любовница и он на смертном одре покаялся ей три дня не разбавлять спиртное. Сегодня — последний день.

Посещение кафе вылилось Лапундеру в то, что "Неродная газета" со свойственной ей доказательностью сообщила читинцам кое-что, а именно:

а) Лапундер — казнокрад!

б) Находясь в Красном Чикое в то время, когда тамошний глава администрации принял постановление, запрещающее прогуливать собак пород йоркширтерьер, чи-хуа-хуа и бультерьер без намордников, Лапундер приобрел намордник за счет местного бюджета по статье "Почтовые расходы".

в) Проледками Лапундера занимаются компетентные органы.

Задетые за живое, компетентные органы вскоре выяснили, что:

1. У Лапундера никогда не было приличного дога, йоркширтерьера или овчарки; не говоря уж о теще.

2. "Неродная газета" спутала намордник с уздой, которую Лапундер действительно купил для чикойской милиции. И совсем не для обуздания личного состава, а для сивого мерина Дербула, на котором милиционеры при нехватке горючего ездят на Буркал отлавливать местных бандитов из группировки "Коза носатая".

3. Местный бюджет никоим образом не мог пострадать от вышеупомянутой покупки, ибо в нем с мая осталось средств только на телеграмму в область "Шлите помощь". И те будут сэкономлены — почта-то закрылась на ремонт.

Что касается слухов ношения в День выборов кепки с эмблемой "Наша фазенда — Россия" и ручкой, дающей автографы Жириновского, то это компетентных органов в свободной стране не касается.

Это превходящее обстоятельство, однако, внесло свежую струю в сонную жизнь горожан. В кафе "Ингодинская мозоль" в туалете появилась вульгарная надпись "казнокрад купил узду, не подумав про..." "Неродную газету"...

"Забайкальский безработный" в злой реплике корреспондента Шлюпкина-Парозодова заявил прямо: человеку с фамилией Лапундер нечего делать в Забайкалье! "Лапундер, ступай за границу, там и скупай жар-птицу!" — так унижительно заканчивалась реплика.

"Полярное радио" передало весьма путаное интервью с местным биологом-охотоведом, который обозвал Лапундера чуть ли не гориллой, причем автор проявил такие специфические познания, как будто сам происходил из рода горилликов-шимпанзеидов.

А такие газеты, как "Перегон", "Тундра-пресс", "Читинское освещение" и т.д. выразились деликатнее:

"Дать ему по шее".

"Гони проходимцев!"

"Понастроили тут коттеджей"

"Бей Лапундера-толстопундера!"

В момент знакомства с прессой Лапундера, как говорил Гете, не предвещало ничего хорошего. Он сидел на лавочке и грустно думал:

— Настоящий журналист, как денщик, никогда не должен находиться там, где он нужен. Творя, не всяк знает, что пишет, а пища — что творит. Да-а!

Вот почему в ясные лунные ночи Лапундер приходит ко мне и спрашивает:

— Как сохранить уважение к этим добрым людям? Зачем им нужны куриные окорочка из жар-птицы, а? И что я скажу мерину Дербулу, что?

ДРЕБЕЗМ

«ЖИСЬ»

Все старушки, все горбушки
Из ворот топорщут ушки:
— Эх, гармонь-шаратовка,
Я была шама така!

Я от разведенки Нюшки
Нынче дела кувыркушки.

...Дома женка, два ребенка,
Теща необъятная...

(Михаил Трофимов).

Раз пришлось от вдовой Глашки
Срочно делать кувыркашки,
Но меня увидев, женка

Подняла, как медвежонка,
И спросила грозно: — Миш,
Ты шалишь или хамишь?!
Тут скрутила — стыд и срам —
Теща необхватная...

У меня пошла по швам

Одежонка ватная.

В общем, так, зятек мой тощий,

Придавив, сказала теща,

С этой вдовушкой Глашкой

Живо делай закругляшки,

А не то устрою жись!..

Ты ведь знашь меня, кажись.

Все старушки-вековушки

Во дворах топорщут ушки,

Все чирками шаркают,

Все губами шамкают:

— Футы-нуты,

Ношти гнуты,

Миню трогашь

Почему ты?

Эх, гармонь-шаратовка,

Ты была шама така!

Николай Ярославцев

У Николая Ярославцева отменное чувство юмора. Это значит, что он лирик. А лирики обыкновенно пишут стихи. Что и делает Николай.

...А всего-то было нужно
Приходить с работы трезвым.

ЧЕСТНОСТЬ

Люблю я честность.
Честность — это мило!
Любимая мне честно
изменила...

РЕЗЮМЕ

Я был пацан.
Мне снились бабы —
И повзрослей, и помоложе.
Я и теперь еще не слабый,
Коль снится мне одно и то же.

НЕДОУМЕНИЕ

Ты была неодинок,
Был и я неодинок,
Но мое живое око
Упиралось в негу ног.
Мы с тобою танцевали,
Дорогая Натали...
Мне потом по морде дали
Почему-то... и ушли

ПРОЗРЕНИЕ

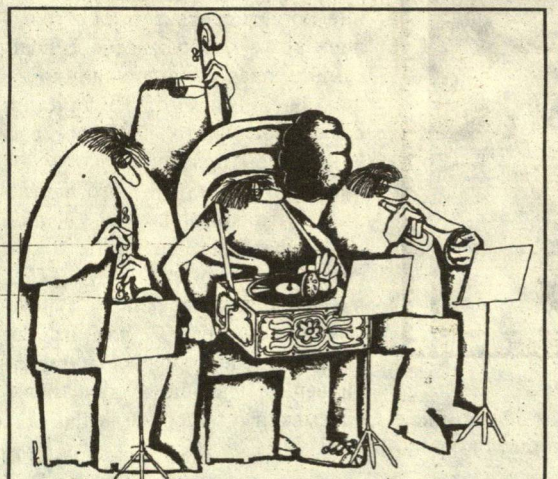
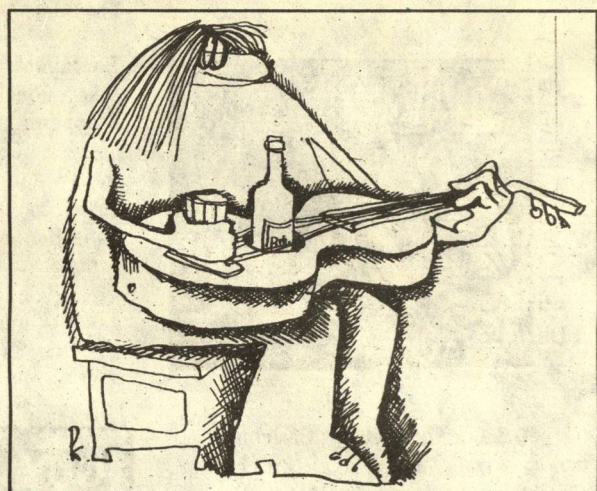
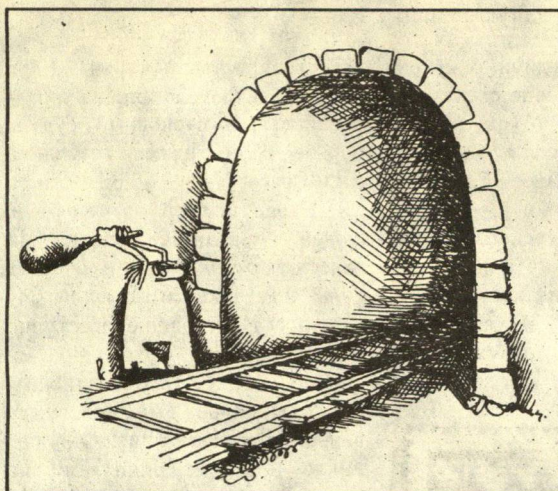
Мы с тобою жили дружно.
Молодым я был и резвым!

СНЕЖНЫЕ БАБЫ

Бабу снежную лепили —
Снег белел, как облака, —
Отдохнули и решили:
Слепим бабе мужика!
Под руками снег искрился
В предвечерней синеве...
Жаль, мужик не получился...
Но зато есть бабы две!

БЛАГОДАРЯ РЕКЛАМЕ

Вставные челюсти в порядке,
К ним у меня претензий нет.
Жую теперь дирил несладкий,
Жую с ксилитом блendaмет.

Рюрик Карасевич

ЧИТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «Азия-пресс»
Тел.: 3-90-08, 3-88-16

Выходит один раз в месяц.

Тираж 2000 экз.
Зак. №1773

Набор и верстка
АО СТС г. Чита.

Печать в обл. типографии.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Леонид Аверьянов,
Николай Березин,
Михаил Вишняков,
Георгий Граубин,
Евгений Куренной,
Юрий Круглов,

Михаил Константинов,
Рюрик Карасевич,
Эдвард Маковский,
Евгений Минашкин,
Федор Машечко,
Игорь Порнягин,
Вячеслав Тодкалин